

Юрий Сергеевич Костылев

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306)
E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3208-9911>

Александра Васильевна Тихомирова

кандидат филологических наук, доцент кафедры церковной истории и филологии, Екатеринбургская духовная семинария (620026, Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 57)
E-mail: tikh-alexandra@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-2781-5173>

Религиозная лексика в названиях объектов горной промышленности: мотивационный аспект (на примере топонимии Кочкарского месторождения золота)

Аннотация

В статье рассмотрены топонимы Кочкарского месторождения золота (Челябинская обл.), образованные от собственных имен, которые относятся к религиозной сфере. Источником материала стали обобщающие труды по состоянию золотодобычи на Южном Урале на конец XIX в. Цель исследования — уточнить функцию лексики религиозной сферы в мотивировке топонимии горнодобывающей отрасли. Всего из 630 наименований объектов, располагавшихся на месторождении, было выявлено 154 единицы, мотивированные религиозной лексикой. Абсолютно все рассмотренные топонимы оказались мотивированы онимами — к апеллятивам религиозной сферы не восходит ни один. Предполагается, что все наименования объектов связаны с названиями религиозных праздников. На основании типологического анализа названий и их подсчета с опорой на даты церковного календаря делается вывод о том, что главной функцией топонима, восходящего к хронониму, является не обращение к покровительству святых и не демонстрация религиозности номинатора, а более прагматические соображения. Наименование церковного праздника становится маркером времени закладки добычного объекта. Около 70 % рассмотренных топонимов восходят к названиям праздников, относящихся к теплomu периоду года, когда активизировались работы на месторождении. Для обоснования этих выводов также привлекались немногочисленные — в силу плохой документированности истории горного дела — сведения об обстоятельствах закладки и номинирования объектов на других территориях России. Кроме того, современные научные труды по истории горной промышленности тоже отмечают более активную деятельность в XIX в. на месторождениях именно в теплый период года. Данный подход реализуется при планомерном освоении месторождений, тогда как частный старательский промысел демонстрирует иные стратегии номинации и практически не обращается к лексике религиозной сферы. Таким образом,

топонимическая система становится одним из инструментов упорядочивания информации об объектах, находящихся на территории месторождения.

Ключевые слова

топонимия; религионимы; хрононимы; золотопромышленность; горное дело; ономастическая система; номинативная модель; церковный календарь; религиозная лексика; Южный Урал

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Взаимодействие культурно-языковых традиций: Урал в контексте динамики исторических процессов», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2023-0018).

Для цитирования

Костылев Ю. С., Тихомирова А. В. Религиозная лексика в названиях объектов горной промышленности: мотивационный аспект (на примере топонимии Кочкарского месторождения золота) // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 3. С. 239–257. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.035

Рукопись поступила в редакцию 12.05.2025

Рукопись принята к печати 28.08.2025

Yuri Sergeevich KOSTYLEV

PhD, Senior Research Fellow, Toponymic Laboratory, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia)
Email: jurij-kostylev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3208-9911>

Alexandra Vasilievna TIKHOMIROVA

PhD, Associate Professor, Department of Church History and Philology, Ekaterinburg Ecclesiastical Seminary (57, Rosa Luxemburg St., 620026 Ekaterinburg, Russia)
Email: tikh-alexandra@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-2781-5173>

Religious Vocabulary in the Names of Mining Facilities: A Motivational Perspective (Based on the Toponymy of the Kochkar Gold Deposit)

Abstract

The article examines toponyms from the Kochkar gold deposit (Chelyabinsk Region, Russia), derived from proper names of religious origin. The source material consists of general accounts concerning the state of gold mining in the Southern Urals at the end of the 19th century. The research aims to clarify the function of religious vocabulary in motivating naming practices in mining contexts. Out of 630 recorded toponyms, 154 were found to be associated with religious vocabulary. Notably, all the analyzed toponyms were motivated by proper names; none derived directly from religious appellatives. It is posited that the toponyms in question are linked to religious feast days. Typological analysis and correlation with church calendar dates suggest that the primary function of these names was not to invoke saintly protection or express religious sentiment, but rather to indicate the time

of establishment of mining sites. Around 70% of the names correspond to feast days occurring during the warmer months, when mining operations were typically more active. Due to limited documentation on the history of mining, additional evidence from other regions in Russia was drawn upon to support this interpretation. These data, along with contemporary scholarship, confirm that 19th-century mining activity was predominantly seasonal. This naming strategy appears typical of systematic industrial development, whereas private prospecting follows different patterns and rarely draws on religious vocabulary. Overall, the toponymic system emerges as a tool for organizing and systematizing information about the spatial and temporal structure of mining activity at the deposit.

Keywords

toponymy; religious names; chrononyms; gold mining; mining industry; onomastic system; naming motivation; church calendar; religious vocabulary; Southern Urals

Acknowledgements

This research was carried out within the framework of the project *Interaction of Cultural and Linguistic Traditions: The Urals in the Context of the Dynamics of Historical Processes*, funded by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (project no. FEUZ-2023-0018).

For citation

Kostylev, Yu. S., & Tikhomirova, A. V. (2025). Religious Vocabulary in the Names of Mining Facilities: A Motivational Perspective (Based on the Toponymy of the Kochkar Gold Deposit). *Voprosy onomastiki*, 22(3), 239–257. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.3.035

Received on 12 May 2025

Accepted on 28 August 2025

Введение

Высокая значимость религиозных элементов в дореволюционном русском культурном ландшафте не вызывает сомнений. Это касается как пространств, задействованных в традиционной крестьянской культуре, так и территорий, освоенных в пореформенный период ранней индустриализации второй половины XIX в. Важность религиозной составляющей в городской и промышленной среде Урала и всей России отмечают многие современные исследователи, рассматривая в том числе языковые проявления этого процесса — например, анализируя лексемы религиозной сферы в качестве мотивирующей для топонимии [Бекасова, Тысевич 2017; Бугаева 2007; Вострокнутов 2021]. Существенные для Урала элементы такого ландшафта — добычные объекты на месторождениях полезных ископаемых — несут на себе печать общего подхода, выражающегося в активном использовании лексики религиозной сферы при создании наименований этих объектов. Говоря о внимании номинатора к данной сфере, М. В. Голомидова в качестве основной функциональной составляющей такой мотивировки видит «покровительство святых, “освящение” места золотодобычи приуроченностью к датам церковных праздников или привязкой к близлежащим церковным объектам» [Голомидова 2015: 102]

(здесь могут проявляться «чествование церковных праздников» и «чествование святых, канонизированных русской церковью» [Голомидова 1998: 180]), но подробно не останавливается на разделении этих функций и номинативных подходов. Не оспаривая принципиально эти положения, приведем некоторые соображения, которые позволят уточнить функцию религиозной лексики, выступающей в качестве мотивирующей для топонимов горнодобывающей сферы.

Суть уточнений заключается в том, что, на наш взгляд, при систематическом (а не в порядке частной инициативы старателей) освоении территории месторождения полезных ископаемых для номинатора ведущей является не абстрактная идея чествования святого или указание на его покровительство. Мотив номинации кажется более прагматичным — это отражение в названии объекта времени его закладки. Проиллюстрируем это соображение на примере наименований добычных объектов Кочкарской золотоносной системы, заложенных в дореволюционный период. Очевидно, что в более поздний период лексика религиозной сферы не нашла отражения в топонимии месторождения.

Общая характеристика топонимической системы Кочкарского месторождения золота

История развития Кочкарского месторождения золота Троицкого уезда Оренбургской губернии (сейчас оно расположено в Пластовском районе Челябинской области) начинается в 1840-е гг. [Денисова, Хайряйтинов 2020]. На месторождении разрабатывалось как россыпное, так и коренное золото. В силу сравнительно большой площади рудного поля, различных типов залегания золота, разнообразных способов его разработки и многообразных форм хозяйствования на месторождении возникло огромное количество наименований, относящихся к добычным объектам. Основная часть площади рудного поля была освоена еще во второй половине XIX в. Описанию системы золотодобычи этого периода посвящена, например, статья горного инженера И. Деви [1896], а в 1900 г. вышел труд Н. К. Высоцкого, обобщающий сведения о состоянии золотодобычи на месторождении на тот момент [Высоцкий 1900]. Эти работы послужили основными источниками топонимического материала для данной статьи. Их фронтальный просмотр позволил выявить около 630 наименований добычных объектов как естественного, так и искусственного происхождения (жил, свит (групп жил), приисков, копей, шахт и т. п.). Кроме того, к описанию системы объектов Кочкарского месторождения примерно того же периода обращается И. В. Мушкетов, анализирующий в одной

из своих работ состояние добычи полезных ископаемых в Златоустовском горном округе [Мушкетов 1877].

В данной статье мы сосредоточимся на названиях добычных объектов, образованных от религионимов — имен святых, пророков, названий икон, церковных праздников и т. п. В наше поле зрения попали исключительно такие названия, по внутренней форме которых можно однозначно судить об их мотивированности лексикой религиозной сферы. Вне рамок рассмотрения остался значительный пласт топонимов отантропонимического происхождения, произведенных как от фамилий, так и от личных имен (около 250 наименований). Осознавая, что личное имя могло принадлежать святому или пророку и по формальным признакам произведенный от него топоним может быть отнесен к отрелигионимным, мы понимаем, что в отсутствие достоверной информации об акте номинации с не меньшей степенью вероятности можно предположить образование топонима от имени владельца объекта, разработчика жилы или другого лица [см.: Иванова 2020: 112–116]. Таким образом, следует думать, что среди таких названий доля топонимов отрелигионимного происхождения крайне мала.

Понимая, что формально некоторые наименования могут иметь оттопонимическое происхождение (*Тихвинские*, прииски, группы жил, шахта; *Иверские*, прииски¹), мы все же склоняемся к мысли об их отрелигионимной мотивировке: вероятно, они восходят к наименованиям богородичных икон, особо почитаемых на Урале [Мурзин 2021: 75–76]. Несколько сомнительный в смысле происхождения статус имеет топоним *Архангельский*, прииск. Особых доводов в пользу его отрелигионимного происхождения (в отличие от случаев типа *Иверский* или *Тихвинский*) нет, причем на месторождении существует микросистема наименований, образованных от ойконимов (*Екатеринбургский*, прииск; *Московский*, прииск; и т. п.), так что мы условно относим его к разряду оттопонимических названий.

Особо нужно отметить, что из-за сложности естественно-геологической ситуации и организационно-административных особенностей проведения работ на месторождении некоторую трудность представляет достоверное установление системных взаимоотношений как между объектами, так и между их наименованиями. Ср. характерное описание свиты Воскресенских жил:

Свита Воскресенских жил начинается в восточной части, в Тихвинском (30)² и Александровском (38) приисках, в виде 1–2 жил, а далее по направлению к западу

¹ Например, в честь города Тихвина и именования Грузии *Иверией*.

² В круглых скобках Н. К. Высоцкий указывает номер упоминаемого объекта на прилагаемом к его труду плане месторождения.

число их все возрастает, например, до 8–10 в западной части Екатеринбургского (37) прииска, а еще западнее, в пределах приисков Михайловского (35), Гавриило-Архангельского (36) и Апполинарьевского (34), — до 15 более значительных работавшихся жил, причем здесь к Воскресенским причисляют жилы начиная с Деулинской до Гавриило-Архангельской включительно. В частности же отдельные жилы этой свиты здесь носят еще свои собственные названия — по наиболее глубоким шахтам или по именам открывших их и работавших старателей; таковы названия: Гавриило-Архангельских жил, Николаевских, Аннинских, Баталовских и др. Наиболее глубокие работы по этим жилам были на Екатеринбургском прииске из Воскресенских шахт и западнее, в группе бывших приисков Подвинцевых — из шахт Васильевской, Гавриило-Архангельской, Николаевской, Аннинской и Воскресенской [Высоцкий 1900: 126–127].

Уже по данному отрывку можно судить о довольно сложных внутрисистемных топонимических отношениях на месторождении. Здесь широко представлены омонимия, синонимия, разные типы метонимических переносов. Что касается сложностей, связанных с отражением в топонимии специфики форм хозяйствования, то здесь характерным кажется случай, при котором автор в качестве двух разных *Знаменских* приисков указывает, возможно, один и тот же объект: он говорит, что один из приисков «Кудрявцевой (бывшие Кормильцева), (в ар[енде] у Прибылева)» [Там же: 201], а другой — «Прибылева (ар[ендован] у Кудрявцевой)» [Там же: 202]. В данной статье, работая с ономастическим материалом, мы рассматриваем каждый факт номинации как отдельную единицу, тем самым снимая проблему синонимии, а именованние различных частей одного и того же объекта воспринимая как различные лексемы.

Более сложной видится проблема снятия неоднозначности именованния, связанного с широко развитой омонимией: многие заведомо различные объекты месторождения носят одно и то же название, но не всегда есть данные, однозначно показывающие, что речь точно идет о разных объектах. Вследствие этого возникает некоторая вероятность посчитать разными лексическими единицами одно и то же название одного объекта, как видно из приведенного выше примера с прииском *Знаменским*. Эта проблема в рамках статьи решалась путем глубокого анализа даваемых Н. К. Высоцким привязок, с опорой на прилагаемый к его труду план месторождения. Нужно оговорить, что, сосредоточившись на общем обзоре геологического и производственного состояния месторождения, автор дает такие привязки довольно скупо, так что все равно существует риск ошибочного принятия одного и того же объекта за два разных. В силу этого, вероятно, общее количество топонимов в реальности может быть несколько — весьма незначительно — ниже, чем приводится в данной статье.

Числовые данные, соответственно, мы приводим несколько приблизительно. Сам автор отмечает неполноту и неидеальное качество своих материалов:

Каких-либо пособий в виде записей, планов старых работ и тому подобного здесь почти совершенно не имелось, так как все данные, например, о <...> расположении выработок хранятся до сих дней лишь в памяти штейгеров и старателей и теряются, разумеется, с переходом их на другое место [Высоцкий 1900: 5–6].

В том случае, если Н. К. Высоцкий дает наименования объектов списком (как, собственно, он сделал с названиями приисков), мы, следуя его представлениям о количестве, взаимоотношениях и названиях объектов, строго опираемся на его данные, таким образом, считая указанные прииски *Знаменские* и им подобные различными объектами со схожими названиями. Так или иначе, труд Н. К. Высоцкого является наиболее полным источником по топонимии Кочкарского месторождения золота дореволюционного периода. Сравнительно немногочисленные номерные обозначения жил в рамках статьи не рассматриваются, они существуют в рамках групп жил, имеющих собственные названия. Точное число подвергшихся анализу наименований — 154 единицы, но мы должны иметь в виду риск попадания сюда вариантов именований одного и того же объекта.

Учитывая анализируемый хронологический период, в рамках данной статьи даты приводятся по старому стилю, с указанием в скобках соответствующей даты по новому стилю. Все наименования и цитаты приводятся в пореформенной орфографии, но с сохранением встречающихся в источниках дефисных написаний, отражающих словообразовательную структуру топонима.

Типы религионимов, используемых в качестве мотивирующих для топонимии месторождения

Как стало видно из первичного анализа рассматриваемых топонимов, значительное количество наименований явно восходит к названиям церковных праздников. Дальнейшее изучение материала показало, что производящие религионимы могут быть четко идентифицированы как хрононимы, определяющие связь наименований с производственным циклом добычных работ.

Для номинирования добычных объектов в рассматриваемом материале используются названия праздников всего годового цикла, при этом в основу наименований ложатся обозначения как двенадесятых праздников и Пасхи (например, *Воскресенская*, шахта; *Благовещенский*, прииск), так и дней, посвященных почитаемым иконам и памяти святых (*Казанско-Богородицкий*,

прииск; *Иверский*, прииск; *Трех-Святительская*, шахта; и т. п.). Единич, появление которых приурочено к самым важным точкам в церковном календаре, т. е. к Пасхе и двенадцатым праздникам, насчитывается 61: ср. *Богоявленские*, шахты; *Вознесенский*, *Троицкий*, *Преображенский*, *Успенский*, *Воздвиженский*, *Рождество-Богородский*, *Христо-Рождественский*, *Сретенский*, прииски. Даже из приведенных примеров видно, что в основном наименования ориентируются на церковнославянские варианты хрононимов, однако разговорные и диалектные обозначения праздников также актуальны, ср.: *Спасовский*, *Спасский*, прииски; *Стретенская*, жила (в народной традиции ряд августовских праздников именуется *Спасами*, а Сретение Господне — *Стретьем* [подробнее об этом см.: Атрошенко и др. 2015: 410, 429]). Из традиционного списка двенадцати главных праздников незадействованными оказались Введение во Храм Пресвятой Богородицы (21 ноября) и Вход Господень в Иерусалим (последнее воскресенье перед Пасхой).

В группу наименований добычных объектов, названных в честь п р а з д н и к о в, п о с в я щ е н н ы х а н г е л а м и с в я т ы м, входит 61 единица³, при этом наиболее задействованными оказались дни, когда почитаются апостолы Петр и Павел (29 июня / 12 июля), архангел Гавриил (26 марта / 8 апреля), св. Николай (9/22 мая, 6/19 декабря), Иоанн Предтеча (24 июня / 7 июля, 29 августа / 11 сентября), Иоанн Богослов (26 сентября / 9 октября), ср. прииски с наименованием *Петро-Павловский* (7 единиц) и жила *Петропавловская*; прииски с названием *Гавриило-Архангельский* (3 единицы) и *Парасковье-Гавриловский*, шахта *Гавриило-Архангельская* и жила *Гавриило-Архангельская*; прииски *Николае-Святительский* (3 единицы), *Свято-Николаевский*, *Николае-Можайский*; прииски *Иоанно-Крестительский*, *Иоанно-Предтеческий* (4 единицы), *Иоанно-Богословский* (5 единиц). Наличие названий, имеющих в своем составе два имени (*Петро-Павловский*, *Парасковье-Гавриловский*), указывает на то, что номинация была приурочена к дате, а не просто наделялась мемориальной функцией, поскольку в паре всегда выступают имена святых, почитаемых в один день: 29 июня (12 июля) — день памяти апостолов Петра и Павла, 26 марта (8 апреля) — святой Параскевы и архангела Гавриила. Подобное замечание можно отнести и к таким названиям приисков, как *Захарие-Елизаветинский*, *Козьмо-Демьяновский*, *Веро-Надеждинский* и *Борисо-Глебский*.

Отдельного комментария требует название *Николае-Можайский*, прииск. Эпитет *Можайский* используется для характеристики особого типа изображения св. Николая (с мечом в одной руке и городом Можайском — в другой).

³Как сказано выше, топоним *Архангельский* в это число мы не включаем.

Однако в отличие от традиции, сложившейся в связи с почитанием икон Богородицы, нет отдельной даты, когда в православном богослужении отмечали бы появление подобного изображения святителя. Возможно, здесь имеет место упоминание святого образа в качестве патрона.

Обычно в названиях приисков фигурируют христианские святые, известные широкому кругу людей: *Лука-Апостольский*, *Марие-Магдалининский*, *Василие-Великиевский*, *Иоанно-Златоустовский*, *Александро-Невский*. Название прииска *Мариинский*, записанного с вариантом *Мариамнинский*, появилось, скорее всего, от имени Богородицы (в церковнославянских текстах ее имя подается как *мѣ́рямь*). При этом в некоторых случаях встречаются упоминания пророков и святых, чье почитание не приобрело широкого распространения в русской традиции: *Пророко-Моисеевский*, *Пророко-Елисеевский*, *Женево-Антиохийский*, прииски; и др. Последний пример, возможно, является искаженным при записи или прочтении названием, данным прииску в честь Евгения Антиохийского или Мелетия Антиохийского.

Отметим, что среди святых, чьи имена задействованы в топонимах, нет тех, кто упоминается как «покровитель горняков» (св. Варвара, св. Макарий Великий, св. Ювеналий и др.), — см., к примеру, список патронов работников горной промышленности [Твердов и др. 2011]. Кроме того, возникновение подобной «специализации» для некоторых святых — явление позднее (конец XX — начало XXI в.) [Там же: 138].

Добычные объекты, названные в честь п р а з д н и к о в, п о с в я щ е н н ы х б о г о р о д и ч н ы м и к о н а м, составляют группу из 21 единицы. Самой упоминаемой в выбранном материале оказалась Тихвинская икона Божией Матери, ее почитание приходится на 26 июня (9 июля). В честь этой иконы назван целый ряд объектов: *Тихвинский*, прииск (6 единиц); *Тихвинские*, группа жил (2 единицы); *Тихвинская*, шахта.

Наряду с широко почитаемыми Иверской, Казанской, Владимирской и Смоленской («Одигитрия») иконами Божией Матери, в названиях приисков фигурируют Ярославская-Печерская, Табынская иконы Богородицы, а также «Знамение», «Всех скорбящих Радость» и «София, Премудрость Божия»⁴: *Ярославо-Печерский*, *Табынско-Богородицкий*⁵, *Знаменский*, *Скорбяще-Богородицкий*, *Премудро-Софийский*, прииски. Такая картина вполне

⁴ Дни почитания этих икон: Иверская — 23 апреля (6 мая), Казанская — 8/21 июля, Владимирская — 23 июня (6 июля), Смоленская — 28 июля (10 августа), Ярославо-Печерская — 4/27 мая, Табынская — девятая пятница после Пасхи, «Знамение» — 27 ноября (10 декабря), «Всех скорбящих Радость» — 24 октября (6 ноября), «София, Премудрость Божия» — 15/28 августа.

⁵ При этом мы не рассматриваем в качестве мотивированного религиозным названием *Табынские*, группа жил, поскольку оно явно восходит к наименованию казахского рода *табын*.

совпадает с данными об особом почитании в регионе указанных икон (см. исследование, посвященное истории религиозной культуры горнозаводского населения [Мурзин 2021: 75–77]).

Необходимо особо упомянуть названия приисков, происхождение которых отсылает к важным для православной культуры церковным п р а з д н и к а м, не входящим в число двенадцатых, — дню Святого Духа (следующий за Троицей день) и Покрову Богородицы (1/14 октября), ср. *Свято-Духовский*, прииск (3 единицы); *Покровский*, прииск (5 единиц); *Покровская*, жила; *Покровские*, группа жил; *Покрово-Богородицкий*, прииск.

Таким образом, наиболее «популярными» в топонимии оказались дни, приходящиеся на период с апреля по октябрь. Чаще всего в названиях добычных объектов используются наименования двенадцатых праздников: Успение Богородицы (15/28 августа) — 11 единиц, Троица и связанный с ней в церковной традиции Духов день (подвижные праздники, выпадающие на май или июнь) — 10 единиц, Пасха, или Воскресение Христово (празднуется в апреле или в мае), — 9 единиц. Из дней, связанных с почитанием Богоматери, святых и богородичных икон, можно выделить следующие: день Тихвинской иконы Богоматери (26 июня / 9 июля) — 9 единиц, Покров Богородицы (1/14 октября) — 8 единиц, день памяти апостолов Петра и Павла (29 июня / 12 июля) — 8 единиц. Стоит отметить, что значимые для церкви даты имеют традицию длительного празднования (например, попразднество Рождества длится шесть дней, Пасхи — 38 дней), а важные для народного сознания праздники и связанные с ними приметы часто проецируются на всю неделю, что предшествует празднику или следует сразу за ним [ср.: Панина 2018]. По этой причине вполне можно допустить, что названный в честь какого-либо праздника объект был заложен в рамках определенного временного периода, который окружает тот или иной день церковного календаря, при этом значимость праздника тоже может играть роль.

Роль церковного календаря в формировании топонимической системы месторождения

Если рассматривать материал целиком, то очевидно, что именно на теплое полугодие (с апреля-мая по октябрь), наиболее подходящее для горных работ, приходится около 70 % дат, отраженных в названиях объектов. Нужно иметь в виду, что дат, посвященных почитанию икон или памяти святых, в течение года может быть больше одной: например, Иверской иконе Божией Матери посвящены четыре дня в году — вторник Светлой седмицы, 12/25 февраля, 23 апреля / 6 мая), 13/26 октября. В соответствии с этим на 154 указанных

топонима приходится 253 конкретных дня, где к числам теплого времени года относится 183 (72 %).

Естественно предположить, что добычный объект открывается впервые один раз за свою историю, так что привязка должна быть лишь к одной из конкретных дат, и всего их, относящихся к исследуемому материалу, должно быть 154. В этом случае, если заведомо считать, что объект начинает разрабатываться именно в день, относящийся к периоду с поздней весны по раннюю осень, общая картина меняется незначительно — к указанному сезону относится 107 единиц (69 %).

При этом известно, что на золотых приисках Оренбургского края в XIX в. наиболее активная деятельность происходила именно в теплый период года, более подходящий для проведения земляных работ. Так, контракты с сезонными рабочими (которых на приисках было большинство) могли подписываться на срок с апреля по октябрь [Вишев 2002: 130] или с мая по ноябрь [Там же: 144]. В зимний период работы полностью не прекращались, но их интенсивность заметно снижалась. Например, в 1883 г. количество рабочих, занятых на работах круглогодично, составляло всего 17 % [Там же: 143].

Не имея в распоряжении конкретных дат открытия и начала разработки объектов добычи полезных ископаемых, мы можем опереться на ряд косвенных соображений лингвистического и культурологического характера, показывающих склонность номинатора отразить не просто покровительство святого, а привязать открытие добычного объекта к конкретной дате. Приведем наиболее существенные из них.

1. Многие наименования даже теоретически не могут отражать такое покровительство. Так, в русской дореволюционной традиции не рассматриваются как покровители горняков или горного дела многочисленные иконы Богородицы, в честь которых названы объекты Кочкарского месторождения (21 наименование). Также в качестве актуальных покровителей в рамках православной культуры выглядят сомнительно такие, например, святые, как пророк Моисей или Евгений Антиохийский, при этом даты, посвященные им (4/17 сентября и 19 февраля / 4 марта соответственно), в церковном календаре имеются. То же можно сказать и о праздниках типа Покрова и ему подобных. При этом такому подходу совершенно не противоречит именование объекта в честь святого, поскольку при наличии конкретной даты празднования его памяти хронологическая привязка начала разработки объекта существует вполне отчетливо.

2. Подавляющее большинство (около 70 %) наименований отсылают к датам, относящимся к теплему полугодию, удобному для начала работ и, соответственно, закладки добычного объекта. Более того, 60 % названий

связаны с датами из периода лета — начала осени, наиболее подходящего для такого рода работ.

3. В тех редких случаях, когда удастся сопоставить дату закладки объекта с его наименованием, выясняется, что название совершенно четко соотносит топоним с конкретной датой, причем такой подход демонстрирует наличие устойчивой модели вне зависимости от региона и характера полезного ископаемого.

Так, анализируя происхождение названий рудников Нерчинского горного округа, Т. В. Игумнова обращает внимание на проблему невозможности установления точных обстоятельств открытия рудников: «К сожалению, сохранилось очень мало документальных свидетельств, в которых отражен сам процесс присвоения подобных названий. Тем ценнее документы об открытии Богословского прииска» [Игумнова 2020: 141]. После чего сообщает: «Вследствие распоряжения горного начальства 26 сентября, в день св. Иоанна Богослова, на месте, показанном Трифановым, рабочие забили три шурфа. Так был основан новый рудник. <Горный чиновник и исследователь> Чебаевский предложил назвать его Богословским» [Там же].

Это же справедливо и для уральских добычных объектов. Нужно отметить, что уже в середине XIX в. исследователи сетуют на недостаточность фиксации фактов ранней истории существования объектов добычи полезных ископаемых: «К сожалению, в архиве Екатеринбургской гранильной фабрики сохранилось мало источников для истории разработки изумрудных копей; если и есть какие-нибудь сведения, то они весьма отрывочны и неопределенны» [Миклашевский 1862: 2]. Однако отдельные данные позволяют судить о начале существования некоторых добычных объектов и ситуации их номинирования. Так, возникновение первых трех приисков современного Малышевского месторождения изумрудов на Среднем Урале краеведы и журналисты, несколько вольно обходясь с историческим материалом и датировками, четко привязывают к конкретным датам и именно с этими датами связывают их названия: в их трактовке *Сретенский прииск* был открыт в день Сретенья Господня, *Троицкая яма* (прииск) — в день Троицы, *Мариинский прииск* — в день Марии Египетской [Комаров 2017; МГ]. Эти выкладки краеведов подтверждаются исследователями. Так, В. А. Шкерин приводит цитату из донесения, имевшего отношение к находке изумрудов, в котором прямо говорится о том, что первая находка изумрудов имела место в конце января 1831 г. на месте будущего Сретенского рудника [Шкерин 2023: 72–73]. Аналогичная информация — о находке изумрудов в январе 1831 г. — приводится и в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» [Чупин 1873: 517], а М. П. Попов приводит конкретную дату открытия Сретенского

рудника — 23 января по старому стилю [Попов 2014: 3]. Также в работе «Изумрудные копи» дается последовательная история открытия Сретенского (1831), Троицкого (1831) и Мариинского (1833) рудников — без конкретных дат, но годы открытия совпадают с теми, что приводят краеведы и журналисты [Власов, Кутукова 1960: 5]. Можно предположить, что работы на руднике, открытом 23 января 1831 г., начались в дни, близкие празднику Сретения, которое приходится на 2/15 февраля.

Тот же принцип реализовывался, например, и на платиновых разработках, где Николае-Святительский прииск Бурдаковых на реке Ис был открыт в конце июля [ЕН: 663], а выбор такого наименования был связан с праздником Рождества святителя Николая, отмечаемым 29 июля (11 августа).

4. Крайне маловероятна реализация прямого метонимического переноса с объектов за пределами Кочкарского месторождения золота. На данной территории отсутствуют заметные объекты, чьи наименования мотивированы лексикой религиозной сферы. Населенные пункты (с. *Каменное*, д. *Борисовка*, ст. *Кособродская*, д. *Кочкарь*) и естественные объекты (рр. *Кочкарка*, *Санарка*, *Каменка*, *Теплая*, *Черная* и др.) [Деви 1896: 249] в этом районе обладали преимущественно тюркоязычными и русскоязычными названиями, имеющими мотивировки из других донорских сфер. Количество церквей в непосредственной близости от рассматриваемой территории даже в дореволюционный период, очевидно, не было достаточным для переноса на столь значительное число объектов месторождения. Теоретически можно предположить возможность метонимического переноса названия с уездного г. Троицка (например, для прииска *Троицкого*), но следует признать, что расположен он довольно далеко — около 60 км — от территории месторождения, к тому же это не объясняет возникновения всех прочих названий. Соответственно, в данном случае решающее значение имеет некая существенная для номинатора отобъектная характеристика. Таковой, по-видимому, и становится дата его появления.

5. Для традиционной крестьянской культуры совершенно типично структурирование годового цикла через привязку к конкретному церковному празднику [Атрошенко и др. 2015: 3]. Учитывая то, что российский промышленный рабочий конца XIX в., очевидно, не успел в культурном плане оторваться от крестьянской среды, для него осмысление годового цикла через даты церковных праздников видится вполне естественным. При этом восприятие времени с опорой на религиозные праздники можно предположить и для горожанина, принадлежащего к православной культуре. Помимо указания на крайнюю неравномерность интенсивности работ в течение года, данные о небольшом количестве постоянных (не сезонных) рабочих на месторождениях Южного Урала, приведенные выше, позволяют судить о портрете номинатора, дающего

названия добычным объектам. Подавляющее большинство рабочих были сезонными, не привязанными к данной территории и не заинтересованными в культурном «освоении» месторождения. Соответственно, постоянным составом, имеющим длительную неразрывную культурную связь с Кочкарским месторождением, становились горные инженеры, владельцы приисков, золотопромышленники, т. е. люди, знакомые и с общенародными названиями праздников (*Сретенье, Спас*), и с особенностями книжной традиции (где Богородица именуется *Мариам*). Скорее всего, знанием церковного календаря и можно объяснить обращение номинаторов к праздникам, которые не приобрели широкого распространения (день пророка Елисея, день памяти одного из антиохийских святых).

Свидетельства того, что дата праздника остается для золотодобытчика — как рабочего, так и владельца производства — основой осмысления временного отрезка, мы можем встретить в текстах, авторами которых являются сами горняки и другие лица, имеющие отношение к добыче полезных ископаемых. Так, в мемуарах писателя и золотопромышленника Н. В. Латкина мы видим, что наряду с указанием конкретных дат автор пользуется именованнием хронологических отрезков по праздникам: «Да и все лето, начиная с 20 мая, погода была превосходная, жаркая и засушливая, так что с 20 мая по 20 июля не выпало ни одного дождя, но зато Илья Пророк нас, таёжников, угостил такой грозой и таким ливнем, какой редко случается в тайге. После Ильина дня погода опять стояла теплая и ясная. <...> и так до Ильинской грозы и ливня <...> и так длилось до Ильинской грозы; <...> Время было после расчёта, свободное, этак около Воздвиженья» [Латкин 1898: 47]. Соответственно, как крестьянин или землевладелец именовали значимые в сельскохозяйственном плане отрезки года, опираясь на даты праздников, так же горный рабочий (равно как и специалист-инженер или владелец рудника) мог связать с датой церковного календаря начало разработки жилы или открытие рудника. При этом соображения, касающиеся социального состава людей, занятых в золотодобыче (в частности, небольшое количество постоянных рабочих крестьянского происхождения), позволяют объяснить именование объектов посредством хрононимов, для традиционной культуры не столь релевантных. Интересно, что в работах современных исследователей отдельно отмечается неактуальность некоторых религиозных наименований для крестьянской картины мира [Березович 2008: 35].

Отметим, что рассматриваемая в данной статье модель типична для добычных объектов золотого промысла Южного Урала (так, например, из 37 названий золотых приисков Брединского района Челябинской области 12 имеют несомненно религиозное происхождение [ГТКРФ: 114–115]), Урала в целом

[Голомидова 2015: 102; Костылев 2020: 231] и, вероятно, всей России [Игуменова 2020: 141; Цыдыпова 2019: 94], что позволяет трактовать ее как универсальную для русскоязычного подхода к номинации. Примечательно, что при освоении территории добычи полезных ископаемых стихийным — в порядке частной инициативы — способом номинаторы вообще не используют лексику религиозной сферы в качестве мотивирующей, что видно на примере наименований старательских копей Самоцветной полосы Урала [Иванова 2020].

Выводы

Таким образом, рассмотренный материал позволяет внести некоторые уточнения в концепцию, традиционно описывающую отрелигиозимные наименования в горнодобывающей топонимии дореволюционного периода. Суть уточнений заключается в том, что на обширных месторождениях, рудных полях и подобных территориях, осваивавшихся планомерно, регулярно и систематически, главной функцией отрелигиозимного топонима является не идея покровительства какого-либо святого, а более приземленная и функциональная — указание на время открытия добычного объекта, т. е. на порядок ввода его в эксплуатацию. К сожалению, мы не располагаем — и вряд ли будем уверенно располагать в дальнейшем — полными списками, указывающими на даты открытия и начала разработки объектов добычи, относящиеся ко второй половине XIX в. Наличие этих списков позволило бы совершенно точно говорить о таком подходе к номинации, но, как мы видели выше, ранние периоды истории месторождений задокументированы очень плохо, что отмечают и современные ученые, и исследователи XIX в. Однако анализ хронологических привязок наименований, легших в основу топонимов, и их типологическая принадлежность к той или иной группе хрононимов, а также изучение культурологических и внутрисистемных лексических особенностей названий позволяют с большой степенью уверенности говорить именно о таком подходе.

Естественно, это соображение не отрицает полностью саму по себе идею обращения к покровительству того или иного святого. Метафорически такой подход можно соотнести с идеей святого покровительства человеку при именовании в традиционном религиозном дискурсе — рождение в определенный день приводит к необходимости выбрать новорожденному определенное имя в честь какого-либо святого. Этот святой, соответственно, и будет считаться небесным заступником человека. Есть, однако, как показывает материал, и существенное отличие описанной ситуации от акта наречения добычного объекта. Суть его в том, что не за каждым именем рудника, жилы шахты стоит

какой-либо традиционный покровитель. Очень многие объекты называются в честь персон и существ, не воспринимаемых в русской православной культуре как покровители. Так, например, название прииска *Воскресенский* (в честь праздника Пасхи) не предполагает отсылки к конкретному патрону, а просто фиксирует время открытия объекта.

Конечно же, мы не можем утверждать, что абсолютно все отрелигиозимные названия добычных объектов образуются по указанной модели, поскольку невозможно уточнить обстоятельства появления каждого конкретного топонима. Однако ведущим мотивом при создании топонимических единиц такого рода видится все же желание привязать время пуска объекта к определенной дате. Использование такой модели служит одним из инструментов (неидеальным, в силу неизбежно возникающей омонимии) упорядочения информации о системе объектов месторождения.

Источники

- Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингвистический словарь. М. : АСТ-ПРЕСС, 2015.
- Высоцкий Н. К.* Месторождения золота Кочкарской системы в Южном Урале. СПб. : [б. и.], 1900. ГТКРФ — Государственная геологическая карта Российской Федерации масштаба 1 : 200 000. 2-е изд. Сер. Южно-Уральская. Л. N-41-XXXI (Бреды) с клапаном л. N-41-XXXII. Объяснительная записка. М. : ВСЕГЕИ, 2018. С. 114–115.
- Деву И.* Краткий исторический очерк развития разработки коренных месторождений золота на приисках Кочкарской системы, в Оренбургской губернии, по 1895 г. // Горный журнал. 1896. № 2. С. 247–273.
- ЕН — Нижне-Туринский завод // Екатеринбургская неделя. 1894. № 33. С. 663.
- Комаров Д. М.* Три имени изумрудных приисков // Сайт Юрия Сухарева. 19.09.2017. URL: <https://sukharev-yu.ru/комаров-д-м-три-имени-изумрудных-приис/> (дата обращения: 17.08.2025).
- Латкин Н. В.* На сибирских золотых приисках. Из таежных воспоминаний. СПб. : [б. и.], 1898. МГ — Изумрудному краю сто семьдесят семь лет! // Малышевская газета. 2008. № 6. С. 3.
- Мушкетов И. В.* Материалы для изучения геогностического строения и рудных богатств Златоустовского горного округа в Южном Урале. СПб. : [б. и.], 1877.
- Чупин Н.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь : [б. и.], 1873.

Исследования

- Бекасова Е. Н., Тысевич О. А.* Агиотопонимы как доминанта топонимического пространства российского дореволюционного города // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 2 (8). С. 148–155.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М. : ЛИБРОКОМ, 2008.
- Бугаева И. В.* Фоновая семантика топонимов // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 4. С. 13–17.

- Вишев И. И. Становление и развитие золотопромышленности на Южном Урале в XIX веке : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2002.
- Власов К. А., Кутукова Е. И. Изумрудные копи. М. : Изд-во АН СССР, 1960.
- Вострокнутов А. В. Православный ландшафт горнозаводских поселений Пермского края: сравнительный анализ // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2021. № 4. С. 70–81. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2021.4.7>
- Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998.
- Голомидова М. В. Названия золотых приисков Урала как часть лингвокультурного капитала территории: лингвокультурологический аспект // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 2. С. 101–104.
- Денисова Н. А., Хайратдинов Р. К. История разработки Кочкарского месторождения золота // Известия Тульского государственного университета. Сер. «Науки о Земле». 2020. Вып. 1. С. 211–227. <https://doi.org/10.46689/2218-5194-2020-1-1-211-227>
- Иванова Е. Э. Названия копей Самоцветной полосы Урала: номинативные типы и модели // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 107–134. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.020
- Игумнова Т. В. Наименования рудников и приисков Нерчинского горного округа в XVIII–XIX веках // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне : в 2 ч. / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита : Забайк. гос. ун-т, 2020. Ч. 2. С. 140–143.
- Костылев Ю. С. Дореволюционные названия объектов Березовского месторождения золота // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 226–240. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.041
- Миклашевский П. И. Описание уральских изумрудных копей и их окрестностей // Горный журнал. 1862. № 7. С. 1–57.
- Мурзин А. А. Народная религиозность как феномен культуры. М. : ИНФРА-М, 2021.
- Панина Ж. А. Значимые недели в традиционной народной культуре Русского Севера (на материале архангельских говоров) // Славянский мир: общность и многообразие : тез. молодеж. науч. конф. в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2028 г. / отв. ред. У. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М. : Институт славяноведения РАН, 2018. С. 236–240. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.2.6.2>
- Попов М. П. Геолого-минералогические особенности редкометальной минерализации в точном экзоконтакте Адуйского массива в пределах Уральской изумрудоносной полосы. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2014.
- Твердов А. А., Жура А. В., Никишичев С. Б. Православные святые — покровители горняков // Берг привилегии. 2011. № 4 (8). С. 131–138.
- Цыдытова Л. С. Названия золотых приисков Баргузинского округа во II пол. XIX — нач. XX в.: топологический аспект // Человек и культура. 2019. № 6. С. 91–96. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.6.31295>
- Шкерин В. А. Лев Перовский и «изумруд Коковина» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 68–81. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.024>

References

- Bekasova, E. N., & Tysevich, O. A. (2017). Agiotoponimy kak dominanta toponimicheskogo prostranstva rossiiskogo dorevoliutsionnogo goroda [Hagiotoponyms as a Dominant Feature of the Toponymic Space of Pre-Revolutionary Russian Cities]. *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii*, 2), 148–155.
- Berezovich, E. L. (2008). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Perspective: Space and Man]. Moscow: LIBROKOM.
- Bugaeva, I. V. (2007). Fonovaia semantika toponimov [Background Semantics of Toponyms]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 13–17.
- Denisova, N. A., & Khairiatdinov, R. K. (2020). Istoriia razrabotki Kochkarskogo mestorozhdeniia zolota [History of the Development of the Kochkar Gold Deposit]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Nauki o Zemle"*, 1, 211–227. <https://doi.org/10.46689/2218-5194-2020-1-1-211-227>
- Golomidova, M. V. (1998). *Iskusstvennaia nominatsiia v russkoi onomastike* [Artificial Naming in Russian Onomastics]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- Golomidova, M. V. (2015). Nazvaniia zolotykh priiskov Urala kak chast' lingvokul'turnogo kapitala territorii: Lingvokul'turologicheskii aspekt [Names of Ural Goldfields as Part of the Region's Linguistic and Cultural Capital: Linguocultural Approach]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 101–104.
- Igumnova, T. V. (2020). Naimenovaniia rudnikov i priiskov Nerchinskogo gornogo okruga v XVIII–XIX vekakh [Names of Mines and Goldfields in the Nerchinsk Mining District in the 18th–19th Centuries]. In E. V. Drobotushenko (Ed.), *Prigranichnyi region v istoricheskom razvitii: Partnerstvo i sotrudnichestvo: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [The Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation. Proceedings of the International Academic and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War] (Vol. 2, pp. 140–143). Chita: Transbaikal State University.
- Ivanova, E. E. (2020). Nazvaniia kopei Samotsvetnoi polosy Urala: Nominativnye tipy i modeli [Names of Mines in the Ural Gemstone Belt: Noming Types and Patterns]. *Voprosy onomastiki*, 17(2), 107–134. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.020
- Kostylev, Yu. S. (2020). Dorevoliutsionnye nazvaniia ob"ektov Berezovskogo mestorozhdeniia zolota [Pre-Revolutionary Names of Objects at the Berezovskoe Gold Deposit]. *Voprosy onomastiki*, 17(3), 226–240. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.041
- Miklashevsky, P. I. (1862). Opisanie ural'skikh izumrudnykh kopei i ikh okrestnostei [Description of the Ural Emerald Mines and their Surroundings]. *Gornyi zhurnal*, 7, 1–57.
- Murzin, A. A. (2021). *Narodnaia religioznost' kak fenomen kul'tury* [Popular Religiosity as a Cultural Phenomenon]. Moscow: INFRA-M.
- Panina, Zh. A. (2018). Znachimye nedeli v traditsionnoi narodnoi kul'ture Russkogo Severa (na materiale arkhangel'skikh govorov) [Significant Weeks in the Traditional Folk Culture of the Russian North (Based on Arkhangelsk Dialects)]. In E. S. Uzenyova, & O. V. Khavanova (Eds.), *Slavianskii mir: Obshchnost' i mnogoobrazie: tez. molodiozh. nauch. konf., 22–23 maiia 2018* [Slavic World: Community and Variety: Proceedings of a Conference of Young Scholars, 22–23 May 2018] (pp. 236–240). <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.2.6.2>
- Popov, M. P. (2014). *Geologo-mineralogicheskie osobennosti redkometal'noi mineralizatsii v vostochnom ekzokontakte Aduiskogo massiva v predelakh Ural'skoi izumrudonosnoi polosy* [Geological and Mineralogical Features of Rare-Metal Mineralization in the Eastern

- Exocontact of the Adui Massif within the Ural Emerald-Bearing Zone]. Ekaterinburg: Izd-vo UGGU.
- Shkerin, V. A. (2023). Lev Perovskii i “izumrud Kokovina” [Lev Perovsky and “Kokovin’s Emerald”]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(2), 68–81. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.024>
- Tsydypova, L. S. (2019). Nazvaniia zolotykh priiskov Barguzinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka: topologicheskii aspekt [Names of Goldfields in the Barguzin District in the Late 19th — Early 20th Century: Topological Aspect]. *Chelovek i kul'tura*, 6, 91–96. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.6.31295>
- Tverdov, A. A., Zhura, A. V., & Nikishichev, S. B. (2011). Pravoslavnye sviatye — pokroviteli gorniakov [Orthodox Saints as Patrons of Miners]. *Berg privilegii*, 4, 131–138.
- Vishev, I. I. (2002). *Stanovlenie i razvitie zolotopromyshlennosti na Iuzhnom Urale v XIX veke* [Formation and Development of Gold Mining in the Southern Urals in the 19th Century] (Doctoral dissertation). Chelyabinsk State University, Chelyabinsk.
- Vlasov, K. A., & Kutukova, E. I. (1960). *Izumrudnye kopi* [Emerald Mines]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR.
- Vostroknutov, A. V. (2021). Pravoslavnyi landshaft gornozavodskikh poselenii Permskogo kraia: sravnitel'nyi analiz [The Orthodox Landscape of Mining Settlements in the Perm Region: A Comparative Analysis]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*, 4, 70–81. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2021.4.7>